

Окончание. Начало — на стр. 1

"ЗВЕТРА". Но к концу XIX века мир оказался поделён.

Андрей ФУРСОВ. Поэтому дальнейшее развитие предполагало войны европейских держав уже не со слабым противником: индийскими раджами, китайцами или зулусами, а между военно-промышленными комплексами (ВПК) самих европейских держав плюс, конечно, США.

Алгоритм развития капитистемы до середины 1960-х годов понятен. Мировая война уничтожала военно-промышленный потенциал неких держав, и дальнейшее развитие мировой экономики в течение 20-25 лет шло в основном за счёт восстановления этих экономик. Так было в 1920-1930 годы, когда восстанавливались экономики Германии и Советского Союза. Понятно, что тогда присутствовали не только экономические факторы. Британцы готовили Гитлера к броску на СССР А американцы подталкивали его против Британии, затем, согласно их планам, Сталин должен был нанести удар по Третьему рейху и стать младшим партнёром США, которому они бы диктовали свою волю.

Вышло всё иначе, но в данном контексте важно то, что целых 20 лет мировая экономика развивалась за счёт восстановления разрушенного Первой мировой войной. То же происходило и после Второй мировой. Шло восстановление советской, немецкой, итальянской, японской экономик — четыре экономических чуда!

К середине 1960-х годов чуда закончились. Началось торможение социально-экономического прогресса и научно-технического прогресса (НТП). Причём началось оно одновременно и у нас, и на Западе. Тут странным образом совпали интересы советской номенклатуры и западной верхушки. На Западе причина этого была очевидна: дальнейшее развитие промышленного сектора слишком усиливало политико-экономические позиции рабочего класса и среднего слоя. Нужно было ослабить фундамент этих позиций. Для этого нужно было перевести часть промышленности в третий мир. Это к тому же повышало прибыль за счёт дешевизны местной рабочей силы и её политической неорганизованности. Однако такой перевод предполагал "научное обоснование", и оно "выскочило", как козырь из рукава шулера — экологическая идеология, экологический алармизм с его антииндустриальной направленностью. В 1960-е годы на деньги фонда Рокфеллеров было создано экологическое движение. Затем появился Римский клуб с его жульнической неомальтузианской концепцией "нулевого роста". Результат: часть промышленной сферы начали переносить в страны третьего мира, прибыль росла; что ещё более важно — выбывалась экономическая основа из-под политических позиций западного рабочего класса: мол, будете выступать — мы переведём всю промышленность в Азию, корею или тайвань покорнее и дешевле, чем вы.

"ЗВЕТРА". Но в Советском Союзе возникла ситуация другого рода?

Андрей ФУРСОВ. Мы были системным антикапитализмом, отрицанием капитализма, но отрицанием на уровне производственных отношений. А вот производительные силы у нас относились к тому же историческому типу, что и у отрицаемого на уровне производственных отношений капитализма — индустриальному. Чтобы антикапитализм превратился в посткапитализм, нужна была качественно новая система производства, более высокая производительность труда, более дешёвая энергетика. Именно это могло обеспечить рывок в будущее, и капиталистический Запад остался бы в историческом офсайде. К середине 1960-х годов СССР имел все условия для такого рывка. Прежде всего, это система ОГАС (Общесоюзная автоматизированная система учёта и обработки информации), прорывные разработки И.С. Филимоненко в области холодного термоядерного синтеза и такое направление, как подкритичная ядерная энергетика с ускорителями. Ну и нужно было всё это защитить "щитом и мечом" от возможного посягательства со стороны империалистов, прежде всего США, которые весьма и весьма напугали и пугали. Таким "щитом и мечом" были блестящие военно-космические разработки конструктора В.Н. Челомея.

"ЗВЕТРА". Сейчас можно услышать голоса, что ОГАС существовала лишь на уровне идеи.

Андрей ФУРСОВ. И другие голоса: что якобы из-за дороговизны ОГАС невозможно было реализовать, что это непосильное бремя для экономики и тому подобное. В одних случаях это было лукавство со стороны тех, кто соображениям конкуренции стремились дискредитировать идеи ОГАС и ту команду, которая эту программу двигала. В других случаях перед нами просто тупое непонимание того, как функционировала советская экономика. ОГАС, система более "крутая", чем интернет с его иерархическим принципом на основе последовательных алгоритмов, действительно, была "штукой" дешёвой, однако её внедрение, дешёвое прозрачное документооборот и крайне затруднявшее приписки, позволяло высвободить значительные средства для реализации этого передового, судьбоносного для СССР проекта.

Дело в том, что в СССР приписки, завышение цифр по валу вели к тому, что, например, в 1984 году продукции официально было произведено на 1,3 трлн. рублей, а реально — на 0,5 трлн. (то есть на 40%) меньше. И всё это, как верно заметил А. Афанасьев, оплачивалось, то есть, попросту говоря, растрачивалось. ОГАС ставила барьер на пути такого расхищения, а сбереженные средства можно было использовать на прорывные направления. Когда говорят о дороговизне ОГАС, у меня возникает вопрос: а гонка в области конвенционального оружия, которую подхлестывал наш генералитет и люди типа Д.Ф. Устинова — это не дороговизна? Внедрение человекевских разработок, как и фильмоленоквских, экономико было много средств. И эта экономия с лихвой решала проблему "дороговизны". Не в ней дело, а в системе и квазиклассовом интересе номенклатуры: научно-технический прогресс они ощущали как угрозу своим позициям и привилегиям.

Торможение важнейших направлений научно-технического прогресса в СССР было на руку и Западу. Неслучайно при президенте США Линдоне Джонсоне в 1964 году была создана группа, которая называлась To stop Gushkov ("Остановить Глушкова"). И началась кампания в западной прессе. Например, газета "Гардиан" опубликовала коллаж, где кибернетик Виктор Глушков нависает над Кремлём и обвивает его перфорацией, как змея. На Западе серьёзно испугались. ОГАС предполагала длительный процесс запуска но реализации этой системы означала бы создание реального информационного общества у нас в стране.

Что же касается нашего гениального конструктора Челомея, то очень рекомендую всем книгу Николая Бодрихина "Челомей", вышедшую в серии "ЖЗЛ".

"ЗВЕТРА". В этой книге отмечено, что его наибольшим успех пришёлся на хрущёвские годы. Упомянут там и про то, что сын Хрущёва работал в КБ Челомея. И есть фотография 1982 года, на которой академик на даче в Жуковке сфотографирован с внуками на фоне машины, на которой они приехали. Машина — "Мерседес".

Андрей ФУРСОВ. И что?

"ЗВЕТРА". То есть человек, который делал выдающиеся ракеты, считал нормальным, что Советский Союз продаёт нефть в Германию, чтобы купить ему "Мерседес"?

Андрей ФУРСОВ. Фотографироваться можно на фоне чего угодно. Что касается личного автотранспорта, то знающие люди говорят, что генконструкторам даже "Чайка" не полагалась — только "Волга". Так что "Мерседес — это едва ли. Но даже если бы "Мерседес" принадлежал Челомею — ему что, обязательно на "Запорожце" ездить?

АГОНИЯ СТАРОГО МИРА

Куда идёт человечество?

Пыль взорванных небоскрёбов на лицах жителей Нью-Йорка. Сентябрь 2001 года.

Отказ от рывка в посткапиталистическое будущее, даже от попытки его, сопровождался разворотом к конвергенции с Западом, хотя советская верхушка слова "конвергенция" не употребляла. Зато его активно использовала интеллектуальная "обслуга".

Шло сближение с Западом по линии Римского клуба, Трёхсторонней комиссии. Началось втягивание советской верхушки в ряд международных проектов. Сначала те группы на Западе, которые её втягивали, полагали, что тактически с СССР можно поиграть "в равенство" 10-15 лет, однако к середине семидесятых они потерпели поражение от финансистов и корпораторкратии, да и сам СССР утратил стратегическую инициативу. На Западе почувствовали слабость Советского Союза, его превращение в традиционную квазимперию, которую можно давить. Они поняли, что в СССР найдутся нужные "подельники" по части такой лжеинтеграции.

"ЗВЕТРА". Вы подводите к теме заговора?

Андрей ФУРСОВ. Это не заговор. Это — долгосрочный политико-экономический (геоисторический) проект.

"ЗВЕТРА". Если бы не Андропов стал генсеком, а Щёлоков (что, по некоторым сведениям, планировал Брежнев), то Советский Союз сохранился бы до сегодняшнего дня, на ваш взгляд?

Андрей ФУРСОВ. Думаю, нет. Я не считаю Андропова самостоятельной фигурой: умелый партийный приспособленец, которого сначала двигал О.В. Куусинен, а затем, до какого-то времени, М.А. Суслов. Скорее волей обстоятельств он стал фронтомом чекистского кластера, оформившегося в команду ещё в сороковые-пятидесятые годы. Попав в шестёрку Г.Б. Андропов попытался создать свою личную разведку во главе с Евгением Питоврановым — так называемую "Фирму". По той линии он стремился построить СССР в западный мир на равных, наивно полагая, что это возможно. При нём КГБ разбух настолько, что о какой-либо эффективности "Конторы" и говорить трудно.

В семидесятые годы в СССР оформилась социальная группа, которая сделала ставку на смену социально-экономического строя. Едва ли эти люди собирались ломать Советский Союз, они лишь хотели отнестись КПСС от власти. Эта группа состояла из представителей госбезопасности, партноменклатуры и теневого капитала, который стал активно развиваться после того, как в страну в 1974-1975 годах, после мирового нефтяного кризиса, пришли незапланированные 170-180 миллиардов долларов.

Теневая экономика курировалась "перестройщиками" частью КГБ, которая стремилась встроить её в мировую, используя нелегальные каналы. Иначе она бы не смогла функционировать и делать своё "теневое дело". К середине восьмидесятых эти люди поставили задачу легализации капиталов и полного доступа к власти. Уже в середине семидесятых началась подготовка "бригад", которые должны были ломать систему.

"ЗВЕТРА". Кого туда отбирали и по каким принципам?

Андрей ФУРСОВ. Отбирали тщеславных, жадных, недалёких людей, которыми можно было манипулировать. И в случае чего — легко сдать... Ну, Горбачёв, Шеварднадзе, конечно. И младшая команда — те, что учились в МИПСА (Международном институте прикладного системного анализа) — чубайсо-гайдары и прочие. Формировалась эшелонированная система ползующего захвата власти с

тупым расчётом на то, что Запад позволит им на равных сесть за один стол. Уже в 1987-1988 годах процесс начал выходить из-под контроля, речь пошла о демонтаже не только системы, но и СССР. Произошёл перехват процесса, и Олбрайт правильно сказала, что главное достижение Буша-старшего — его руководство процессом развала советской империи.

Но вернёмся к середине шестидесятых годов, когда началось торможение НТП и заработала деградационная динамика. Для меня в этом отношении символически важны два года — 1967-й и 1968-й. 1967 год — это июньский пленум ЦК КПСС, который фактически похоронил последние попытки рывка в будущее и началась деградационная эволюция советской системы. 1968 год — явный старт аналогичного процесса на Западе, наиболее ярко проявившегося в так называемой "студенческой революции". Помимо политического аспекта у неё был аспект психохисторический. По сути, это был выход троенчиков на первый план западного социума. Да, западная система образования нуждалась в изменениях, в улучшениях, но результатом 1968 года стало ухудшение этой сферы, переход в упадок. Поколение 1968 года подготовило следующее, ещё более убогое поколение политиков, экономистов, учёных: "слепые поводыри слепых". А по

ультраглобализации можно будет смело ставить большой жирный крест.

Вообще, глобализацию часто путают с двумя другими процессами — интернационализацией и интеграцией. Если глобализацию определять как просто расширение зоны взаимодействия различных экономических систем, отсчёт надо вести с неолитической революции. На самом деле глобализация — процесс недавний. Капитализм на первых порах — это интернационализация экономик по линии торговли. Затем, в индустриальную эпоху, происходит интеграция. Технически глобализация связана с научно-технической революцией, то есть с не вещественными, информационными факторами. Социально-политическая сторона глобализации — это разрушение Советского Союза и превращения США в единственную сверхдержаву. Пока существовал СССР глобализация в её нынешнем виде быть не могло, так как существовали две альтернативные мировые системы. При том, что хотя с конца шестидесятых годов пошла эрозия мировой социалистической системы и к началу восьмидесятых она стала очевидной, пока существовал СССР, глобализация в том виде, в каком она "рванула" после 1991 года, была невозможна. Неслучайно Киссинджер сказал, что "глобализация" — это новая форма господства США в мире.

Правда, однопольярный мир быстро закончился благодаря действию самих же США. К тому же выжило, что капитализм исчерпал все некапиталистические зоны мира. Экстенсивному развитию капитализма планета поставила предел, тогда как на пути его внутренней интенсификации стоят такие институты, как государство, политика, гражданское общество, массовое образование. Всё это хозяйка капитистемы демонтирует с середины 1970-х годов. "Интенсификация" капитализма означает, что объектом депривации должны стать те группы, которые раньше хорошо жили за счёт эксплуатации внешнего мира. Теперь они должны потреблять меньше и иметь меньше социальной защиты. Именно к этому объективно подталкивают и коронабесие, и флюидобесие. Последнее, в частности, используется для демонтажа такого института современного общества, как полиция.

Здесь мы сталкиваемся с интересной вещью. Я когда-то уже говорил о том, что не надо сваливать в одну кучу всех глобалистов. Есть умеренные, которые исходят из того, что должно быть государство, но под контролем МВФ, Мирового банка и так далее. Есть ультраглобалисты, которые считают, что государств быть не должно — только крупные корпорации: Ост-Индские компании, "большие Венеции" и тому подобное. В доцифровую эпоху ультраглобалистов сдерживало следующее: нужен был железный кулак государства, которое своими военными базами и авианосцами гарантировало "буржуинам" защиту. Это были США. В такой ситуации, пока существуют РФ и КНР, демонтаж США невозможен. Однако сейчас у меня создается тревожное ощущение, что мировая цифровизация может позволить обнулить ведущие государства почти одновременно: "цифровое государство" внедряется в каждое из обычных государств, и они становятся аватарами глобально-сетевой "глубинной государств". Реальные лидеры этих государств остаются без функций, а "цифровики" во всём мире быстро объединяются. То есть не надо сначала разрушать Россию, потом Китай, потом США. Это делается одновременно по принципу домино. Мировой "домик" может упасть, останется цифровая сеть, которая контролирует и авианосцы, и социальные сети. "Вещественно-институциональное" государство можно в такой ситуации и ломать, это пустая скорлупа, на которую списываются все неудачи и провалы.

"ЗВЕТРА". А в политическом плане что они прогнозировали?

Андрей ФУРСОВ. Согласно прогнозам, во Франции и Италии был вероятен приход к власти коммунистов — либо в союзе с другими силами, либо самостоятельно; в Великобритании — левых лейбористов. США ждали негритянские бунты в крупных городах. С момента появления прогнозов ослабление Советского Союза из разряда политических задач западных верхушек перешло в судьбоносные. Хотя не для всех: Рейган, например, не был сторонником разрушения Советского Союза, он хотел его максимально ослабить. В значительной степени в разрушении Советского Союза были заинтересованы британцы. И немцы, конечно, — после того как Горбачёв сделал возможным аншлюс ГДР Западной Германии.

Разрушение Советского Союза надолго отсрочило мировой кризис. Но в 2008-м он "шарханул". Сегодня мы живём в условиях непрекращающегося кризиса, который заливают деньгами. 2018 и 2019 годы показали, что мировая система (не экономика, а именно мировая система в целом) находится в состоянии перегрева. Обычно в таких случаях происходила мировая война, но в XXI веке, когда всё нацелено на ядерные оружие и когда даже Латинская Америка — сплошь индустриальная экономика, единственным континентом, где можно вести войны, остаётся Африка. Хотя и это не решает никаких проблем.

"ЗВЕТРА". И тут подвернулся коронавирус...

Андрей ФУРСОВ. Который в эрзац-манере решил многие проблемы, которые обычно решала война. А могут ведь объявить и вторую волну, как мы слышали. Месяца два назад я сказал, что второй волной будет не волна вируса, а возникновение какого-то серьёзного движения. Тогда я думал, что это будет нечто экологическое во главе с какой-нибудь Тунберг или кем-то ещё. Но такого движения не возникло. Убогая Тунберг удивительным образом почти промолчала, выжну только что "пандемия" — это для экологии хорошо. По этой логике, если бы все люди умерли, наверное, было бы для таких "экологов" ещё лучше.

"ЗВЕТРА". Зато вспыхнуло в США!

Андрей ФУРСОВ. Да, по Соединённым Штатам покатались психические эпидемии, потому что "флюидобесие" — это, безусловно, "наведённый" психическая эпидемия, и она перекинулась на Европу. Движение оказалось не экологическое, а — по форме — негражданское, которое, впрочем, поддерживается частью бёлых, а направляют его уж тем более бёлые из Демократической партии клан Обамы. Соединённые Штаты поставлены на грань гражданской войны. Понятно, почему рвануло именно там. Дальнейшая схватка за господство в мире в значительной степени зависит от того, останется ли Трамп президентом. Дело, конечно, не столько в нём лично, сколько в тех силах, которые стоят за ним и ломают ультраглобалистскую парадигму последних тридцати лет. Если Трамп останется, то точка невозврата будет пройдена, и на процессе

ультраглобализации можно будет смело ставить большой жирный крест.

Вообще, глобализацию часто путают с двумя другими процессами — интернационализацией и интеграцией. Если глобализацию определять как просто расширение зоны взаимодействия различных экономических систем, отсчёт надо вести с неолитической революции. На самом деле глобализация — процесс недавний. Капитализм на первых порах — это интернационализация экономик по линии торговли. Затем, в индустриальную эпоху, происходит интеграция. Технически глобализация связана с научно-технической революцией, то есть с не вещественными, информационными факторами. Социально-политическая сторона глобализации — это разрушение Советского Союза и превращения США в единственную сверхдержаву. Пока существовал СССР глобализация в её нынешнем виде быть не могло, так как существовали две альтернативные мировые системы. При том, что хотя с конца шестидесятых годов пошла эрозия мировой социалистической системы и к началу восьмидесятых она стала очевидной, пока существовал СССР, глобализация в том виде, в каком она "рванула" после 1991 года, была невозможна. Неслучайно Киссинджер сказал, что "глобализация" — это новая форма господства США в мире.

Правда, однопольярный мир быстро закончился благодаря действию самих же США. К тому же выжило, что капитализм исчерпал все некапиталистические зоны мира. Экстенсивному развитию капитализма планета поставила предел, тогда как на пути его внутренней интенсификации стоят такие институты, как государство, политика, гражданское общество, массовое образование. Всё это хозяйка капитистемы демонтирует с середины 1970-х годов. "Интенсификация" капитализма означает, что объектом депривации должны стать те группы, которые раньше хорошо жили за счёт эксплуатации внешнего мира. Теперь они должны потреблять меньше и иметь меньше социальной защиты. Именно к этому объективно подталкивают и коронабесие, и флюидобесие. Последнее, в частности, используется для демонтажа такого института современного общества, как полиция.

Здесь мы сталкиваемся с интересной вещью. Я когда-то уже говорил о том, что не надо сваливать в одну кучу всех глобалистов. Есть умеренные, которые исходят из того, что должно быть государство, но под контролем МВФ, Мирового банка и так далее. Есть ультраглобалисты, которые считают, что государств быть не должно — только крупные корпорации: Ост-Индские компании, "большие Венеции" и тому подобное. В доцифровую эпоху ультраглобалистов сдерживало следующее: нужен был железный кулак государства, которое своими военными базами и авианосцами гарантировало "буржуинам" защиту. Это были США. В такой ситуации, пока существуют РФ и КНР, демонтаж США невозможен. Однако сейчас у меня создается тревожное ощущение, что мировая цифровизация может позволить обнулить ведущие государства почти одновременно: "цифровое государство" внедряется в каждое из обычных государств, и они становятся аватарами глобально-сетевой "глубинной государств". Реальные лидеры этих государств остаются без функций, а "цифровики" во всём мире быстро объединяются. То есть не надо сначала разрушать Россию, потом Китай, потом США. Это делается одновременно по принципу домино. Мировой "домик" может упасть, останется цифровая сеть, которая контролирует и авианосцы, и социальные сети. "Вещественно-институциональное" государство можно в такой ситуации и ломать, это пустая скорлупа, на которую списываются все неудачи и провалы.

"ЗВЕТРА". Только зачем в этой цифровой картине мира авианосцы? Система общемирового цифрового концлагеря и так позволит контролировать каждого человека.

Андрей ФУРСОВ. Авианосцы смогут при таком пессимистичном сценарии выполнять другую функцию. Главное, однако, в том, что в социосистемном плане цифра — это уже не капитализм...

"ЗВЕТРА". ...а рабовладение!

Андрей ФУРСОВ. Нет. Рабовладение — отчуждение тела человека, а здесь отчуждается сознание, подсознание и поведение человека. Это посткапиталистический мир, где объект отчуждения — духовная сфера. Прежде чем её отнять, им нужно в мировом масштабе разрушить массовое образование, науку, поставить под контроль генетическую систему человека (вести геномный паспорт). Другое дело, что это не простой процесс, на пути возможны сбои. И вообще всё может пойти прахом.

"ЗВЕТРА". Но стремящиеся к преображению мира люди не могут жить без развития, духовного движения, а цифровой контроль — система, упрощающая весь строй поведения человека. Его превращают в биробота с заданными критериями хорошего гражданина, с присуждением баллов за исполнение. Творческий человек не впишется в эту систему.

Андрей ФУРСОВ. В закрытых системах энтропия возрастает, и они относительно быстро вырождаются. У любой закрытой системы очень ограниченные возможности развития. Уверен, цифровосистема охватит далеко не весь земной шар, вне её останутся огромные части Африки, Азии, Латинской Америки, мусульманского мира. Поскольку в новую систему встроены механизмы закрытости, то велика вероятность реализации здесь варианта, похожего на крушение Римской империи. Не исключено возможность схем, которую Ибн Хальдун в XIV веке дал для Арабского востока: приходит племя бедуинов и вырезает захваченную верхушку. Первое поколение не только захватывает, но и упрочиает власть, второе поколение расширяет границы, третье поколение вкладывается в искусство и науку, а четвертое поколение... деградирует. Приходит очередная волна бедуинов, и начинается новый цикл. Закрытая система в какой-то момент может стать лёгкой добычей для неоварваров.

"ЗВЕТРА". Но творческие люди всегда будут бороться против такой системы. Их не будут устраивать жёсткие цифровые рамки.

Андрей ФУРСОВ. А вот это и будет главным противоречием. С одной стороны, система основана на жёстком контроле над сознанием и поведением, с другой — для нормального функционирования, не говоря уже о развитии, ей нужен определённый процент людей с нестандартным мышлением и, как следствие, поведением. Разумеется, исторические аналогии носят поверхностный характер, но европейский XV век весьма поучителен. После того как "чёрная смерть" в середине XIV века выкосила Европу (двадцать миллионов из шестидесяти миллионов населения), возникла нехватка рабочих рук, и хотя к тому времени крепостное право практически исчезло, сензоры решили восстановить жёсткий контроль над крестьянами. Через два поколения в Европе вспыхнули три восстания одновременно:

мегаструктуры, то Сети, которая и стала главным бенефициаром глобализации вообще и её криминальной составляющей в частности. Поскольку спецслужбам нужна была своя экономическая база, они поставили под контроль наркотрафик. Конец XX — начало XXI века демонстрирует взаимопроникновение спецслужб: цэрэушники и "мишники" работают у "младореформаторов" (хотя, скорее, те работают у них) и заседают в правлениях формально российских корпораций, а бывшие пэгзусники присутствуют в правлениях рокфеллеровских банков. Цифровизация может придать этому "слиянию в экстазе" законченную форму.

Если "обнуление" государства с помощью цифры глобальной матрицей неократии произойдёт, то чем-то это будет похоже на произошедшую в 1970-е годы и позже переориентацию-автономизацию спецслужб.

Условно говоря, создаётся цифровое государство в стране N, а реальный режим "обнуляется". Он может даже формально сохраниться, но — как дверца, нарисованная на холсте в известной детской сказке. Буратино, Пьеро, Мальвина и остальные будут играть свою игру с такими же буратиноми, пьеро и мальвинами в других цифровых государствах, а руководителей "обычных" государств станут выставлять

второй вариант. В результате появились очень жестокие монархии — Генриха VII в Англии и Людовика XI во Франции. Современники называли их "новыми монархиями", потому что они давили как низы, так и верхи. Возникло крайне репрессивное государство, которого в традиционной Средневековье не было. Реакция на эту репрессивную новизну, Макиавелли придумал новый термин *lo stato ("ле stato" — государство)* — в том самом смысле, в котором мы сегодня употребляем этот термин. Выбор у господ был простым и жёстким: либо репрессивные режимы, которые будут давить не только низы, но и верхи, либо "демократизация". Думаю, оказавшись в похожей ситуации, нынешние "верхушки" во всём мире сделают выбор в пользу репрессивного цифрового режима, который поставит под контроль и население, и их самих, но подарит им ещё лет шестьдесят-семьдесят, а то и целое столетие исторической отсрочки.

Так что в ближайшие 10-15 лет будет идти борьба за переход к новой системе. Причём вариантов перехода к ней будет несколько; напомним, что из Средних веков в Современность вариантов перехода было три: французский, немецкий и английский. Конкретные формы и результаты перехода в посткапиталистический мир будут определяться в жестокой социалдарвинистской борьбе за будущее, за то, кто кого отсечёт от него. Кажется, в двух зонах мировой войны будущее уже наступило — это погружающаяся в неохархаю Африка и Китай с его системой социальных рейтингов. А вот в России, Латинской Америке, Штатах, Европе, мусульманском мире настоящая борьба впереди.

"ЗВЕТРА". И что же нам делать в этой ситуации?

Андрей ФУРСОВ. Я не раздаю советы такого рода. Я учёный, а не политик. Главное, в любых обстоятельствах быть мужчиной — защитником своей семьи, и гражданином — защитником своей Родины, стараясь жить достойной и интересной жизнью.

"ЗВЕТРА". Валентин Катасонов на канале "День ТВ" не так давно отзывался о кризисе 2020 года в совсем апокалиптических тонах. Вы разделяете такой взгляд?

Андрей ФУРСОВ. Я не сторонник таких прогнозов. "Апокалипсис" — это не мой язык. Мой язык — терминальная фаза системного кризиса капитализма. Что касается России, то здесь ситуация чем-то напоминает начало XX века. Когда недавно меня спросили: "В каком году мы оказались?" Я ответил: в 1904-м. Дальше — либо 1903-й, либо 1905-й.

"ЗВЕТРА". Теоретически это возможно?

Андрей ФУРСОВ. Теоретически всё возможно! Для преодоления кризиса с минимальными потерями наша верхушка должна начать отождествлять себя с основной массой населения. Люди должны ощущать своё общество как социально справедливое. Почему в Советском Союзе в последние двадцать лет накапливалось раздражение? Не только по экономическим причинам. Люди видели, что верхушка не верит высоким принципам, которые провозглашает, социум становится всё менее справедливым.

Это переключается с тем, о чём писал Лесков — писатель не меньшего уровня, чем Толстой или Достоевский. Основная его идея заключалась в том, что главный враг мужика — не помещик, не "буржуин", а тот же мужик, который из грязи выбыл в князи. Это очень актуально, так как выбравшиеся из грязи в князи сейчас преимущественно и давят население: какие-то полупроститутки из "Дома-2" смеют что-то вкряк по "нищербродов", которым не надо помогать.

"ЗВЕТРА". А они сами — "аристократия"!

Андрей ФУРСОВ. "Аристократия помойки". Главная проблема этой публики заключается в том, что даже "помойка" быстро "проедается".

"ЗВЕТРА". А что вы думаете о нынешнем Китае?

Андрей ФУРСОВ. Чем больше экономических успехов у КНР тем больше там будет социальных проблем. Я не удивлён, если лет через пятнадцать-двадцать эта страна распадётся на Север и Юг. Китай говорит, что он готов взять на себя глобальную ношу, но это не мировая держава, это "автоцентричная" страна.

"ЗВЕТРА". ...которая не предлагает миру никакой идеологии!

Андрей ФУРСОВ. Абсолютно точно. Кроме того, китайцы — гениальные имитаторы чужого. Я думаю, у Китая в ближайшие десятилетия будут настоящие серьёзные проблемы, что им уже будет не до остального мира. Я всегда был противником той точки зрения, что Китай, мол, лидер XXI века. Такие же разговоры велись по поводу Японии в 1970-е годы, и они благополучно закончились в конце 1980-х — начале 1990-х. И хотя Китай намного более могучая страна, чем Япония, думаю, здесь будет нечто похожее. Кроме того, нельзя забывать, когда именно и на чём "выскочил" Китай. Он "выскочил", когда рухнул СССР, и это многое объясняет.

"ЗВЕТРА". У России есть шанс вырваться из мировой западни?

Андрей ФУРСОВ. Шанс есть. У России большой опыт выскакивания из ловушек, когда во всём мире кризис. Но это не значит, что так будет всегда. Будем надеяться и работать на это. Есть замечательный тезис Антонио Грамши: "Пессимизм разума и оптимизм воли". Оптимизм воли — это готовность биться насмерть за свою страну, за традиционные ценности так, чтобы противник чётко осознавал: даже если мы, русские, не выиграем, то его, гада, под топор уложим!

"ЗВЕТРА". Большое спасибо за беседу, Андрей Ильич!

Беседовал Сергей ПРАВОСУДОВ